

Подарено музею Есенина в Туле
Г. ШИПУЛИНА, кандидат филологических наук (Баку)

ЗИНАИДА ГИППИУС О СЕРГЕЕ ЕСЕНИНЕ

Зинаида Николаевна Гиппиус (в замужестве Мережковская). Род. 8(20). 11.1869 г. в г. Белеве Тульской губ. Скончалась 9.09.1945 в Париже, поэтесса, литературный критик, прозаик. Отец Гиппиус — юрист, из обрусевшей немецкой семьи (с 16 в. в России); мать, урожденная Степанова — родом из Сибири, дочь уездного полицмейстера. Октябрьскую революцию Гиппиус восприняла резко враждебно. В начале 1920 года Мережковские нелегально переходят русско-польскую границу.

По устному преданию семьи Макаровых — Щегловых, в Туле читала стихотворение «Веселье»:

Блевотина войны — октябрьское веселье!
От этого зловонного вина
Как было омерзительно твое похмелье,
О бедная, о грешная страна!
Какому дьяволу, какому псу в угоду,
Каким кошмарным обуянный сном
Народ, безумствуя, убил свою свободу,
И даже не убил — засек ее кнутом!
Смеются дьяволы и псы над рабьей свалкой,
Смеются пушки, разевая рты...
И скоро в старый хлев ты будешь загнан
палкой,

Народ, не уважающий святынь!,
опубликованное ею в сборнике «Последние стихи. 1914—1918» в «Петербурге» в 1918 году. Этот сборник хранился в Туле в квартире поэта Владимира Макарова, но в начале 1920 года при обыске был изъят тульскими чекистами. На нем была дарственная Зинаиды Гиппиус.

В. П.

«Нетронутая культурой душа, как есенинская, это молодая степная кобылица. На кобылицу, если хотят ее сохранить, в должное время надевают узду. Но тут-то как раз никаких узд для Есенина и не оказалось. Понять нужду в них. самому искать, найти — в такое время — как он мог? А перед инстинктом лежало открытое поле. Не диво, что кобылица помчалась вперед, разнесла, погубила все, что могла, — вплоть до самой себя. На Есенине это ярко и просто: пил, дрался — заскучал, повесился. Примитивный рисунок всегда нагляднее*.

З. ГИППИУС.

9 марта 1915 года молодой поэт Сергей Есенин приехал в Петербург «за славой». Здесь он познакомился со многими известными поэтами, представителями разных литературных направлений — А. Блоком, Н. Гумилевым, А. Ахматовой, С. Городецким. Здесь же С. Есенин встретился с идеологами декаденства Д. Мережковским и З. Гиппиус. Очень ярко первые шаги С. Есенина на поэтическом поприще описал Г. Адамович: «Появился Есенин в Петербурге во время 1 мировой войны и принят был в писательской среде с насмешливым удивлением... Гиппиус, взглянув на его валенки в лорнет, спросила: «Что это на вас за гетры такие?»

С. Есенин никогда не мог забыть этого и много позже говорил А. Воронскому: «Попал я как-то к ним на вечер в валенках. Ко мне подошла Гиппиус и спросила: «Вы, кажется, в новых гетрах?» — «Нет, это — простые деревенские валенки...» — Знала ведь, что на мне валенки». З. Гиппиус посвятила С. Есенину несколько статей, а также неоднократно упоминала его имя в своих многочисленных работах, посвященных состоянию русской литературы.

Интересен внешний облик поэта в описании З. Гиппиус: «Ему лет 18. Крепкий, среднего роста. Сидит за стаканом чая немного по-мужицки: ссутулясь; лицо обыкновенное. скорее приятное: низколобый, нос «пипочкой» а монгольские глаза чуть косят. Волосы светлые, подстрижены по- деревенски. да и одет он еще в свой «дорожный» костюм: синяя косоворотка, не пиджак, а «спинжак». высокие сапоги... В молодом Есенине много еще было мужицко-детского и не развернувшейся удалы— тоже ребяческой».

Если в 1922 году, возможно, под впечатлением берлинских встреч с С. Есениным. З. Н. Гиппиус говорит о «прожженном парне Есенине», с которым она познакомилась в 1915 году, то в посмертной публикации эта же мысль звучит не так резко: «У нас, впрочем, сразу создалось впечатление, что этот парень хоть в Петербурге еще ничего не видал, но у себя, в деревне, уже видал всякие виды».

Такое смягчение оценки С. Есенина в посмертной статье очевидно: «Держал себя со скромностью, стихи читал, когда его просили, — охотно, но не много, не навязчиво: 3—4 стихотворения. Они были недурны, хотя еще с сильным клюевским налетом, и мы их в меру похвалили».

«Стихи его нам всем показались мало интересными, и он перешел к частушкам своей губернии, которые долго распевал... И. надо сказать, — это было хорошо. Удивительно шли — и распевность, и подчас нелепые, а то и нелепо-охальные слова — к этому парню в «спинжаке», что стоял перед нами».

Спустя несколько недель после этого знакомства Зинаида Гиппиус - посвятила С. Есенину свою статью «Земля и камень» (под псевдонимом Р. Аренский), в которой сдержанно, но в целом положительно, она отзывается о первых стихотворениях поэта: он «находит свои свежие, первые и верные слова для передачи того, что видит. В стихах Есенина пленяет какая-то «сказанность» слов, святость звука и значения, которая дает ощущение простоты... Тут... мастерство как. будто данное: никаких лишних слов нет. а просто есть те. которые есть, точные, друг друга дополняющие... Замечательно, что при таком отсутствии прямой, непосредственной связи с литературой, при такой разностильности Есенин — настоящий СОВРЕМЕННЫЙ поэт. Он. сам того не подозревая.— уже писатель, он, прежде всего, «видит»...»

Но уже в этой первой статье о Сергее Есенине З. Гиппиус выражает опасение, что начинающий поэт «может еще завянуть на корню», если увлечется литературной модой, погубившей немало свежих дарований.

Проявление дурного тона она видит в некоторых вычурных, а временами просто грубых образах. С. Есенина.

Сблизившись с С. Городецким, Есенин перестал бывать у З. Н. Гиппиус: «Есенина одели «по-пейзански»: в голубую шелковую рубашку, завили ему кудри длинные, поддурмили. Живо приобрел он и соответствующий апломб... В наш кружок больше не являлся. Голубую рубашку и завитые букли этого «добра молодца» и «самородка народного» мне воочию пришлось видеть лишь раз чуть ли не в Религиозно-философском обществе, со всей его дикой компанией». «Удаль всю, изобилие и кутежей — и стихов, всюду теперь печатаемых...»

З. Гиппиус со своей «изошренной культурой» (Д. Святополк-Мирский) не могла поверить Есенину, что он «лучший поэт в России», ее задевало, что говорил он это «с таким подозрительным спокойствием, что почти видишь его полное удовольствие».

Перестав бывать в доме Мережковских - Гиппиус. С. Есенин все же интересуется их мнением о своих стихотворениях, спрашивает о нем тех. кто бывает в доме Гиппиус или знает об этом с чьих-то слов. Так в письме к В. С. Чернявскому читаем: «...хочется знать, на какой стороне Философов и Гиппиус». Этот вопрос вызван письмом В. С. Чернявского о том, что у Мережковских много говорили о Сергее Есенине и мнения расходились.

Отвечая на этот вопрос Есенина. В. Чернявский 8 августа 1915 года пишет: «...что касается твоей старой просьбы узнать мнения, я ничего путного не узнал: сказали мне только, что говорили о тебе «как о хорошем мальчике», будто бы тебя в Питере кто-то портит, а как о поэте ничего не говорили».

Сам Есенин, как утверждают его друзья, с явным пренебрежением, а то и с презрением относился к Зинаиде Гиппиус и ее окружению.

В. С. Чернявский: «О Гиппиус, тоже рассматривавшей его в насмешливый лорнет и ставившей ему испытующие вопросы, он отзывался с все растущим неудовольствием. «Она меня как вещь ощупывает», — говорил он.

А. Б. Мариенгоф: «...таскали меня недели три по салонам — похабные частушки распевать под тальянку. Для виду первоначально стишки попросят. Прочту два-три — в кулак прячут позевотину, а вот похабщину хоть всю ночь зажаривай... Ух, и ненавижу я всех этих Сологубов с Гиппиусиха-ми...»

П. А. Кузько: «У Есенина была борьба с петербургским влиянием Мережковских, Городецких и с религиозным уклоном Клюева».

Н. Н. Ливкин цитирует письмо С. Есенина от 12 августа 1916 г.: «Мережковский, Гиппиусы и Философов открыли мне свое чистилище и начали трубить обо мне... Но я презирал их и с деньгами и со всем, что в них есть, и считал поганым прикоснуться до них...»

Уничжительное, пренебрежительное упоминание имен Гиппиус и Мережковского во множественном числе в письмах и высказываниях поэта отражает его истинное отношение к ним.

В наброске памфлета «Дама с лорнетом» Есенин отмечает, что А. А. Блок еще в 1915 году предостерегал его от контактов с З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковским.

После Октябрьской революции, в апреле 1918 года З. Гиппиус под псевдонимом Антон Крайний опубликовала литературный фельетон, в котором о представителях художественной интеллигенции, сотрудничавших с Советской властью (А. Блок, С. Есенин), сказано: «Они — не ответственные. Они — не люди».

И. В. Грузинов вспоминал, как перед отъездом за границу в 1922 году С. Есенин спрашивал у А. М. Страхова: «Что мне делать, если Мережковский и Зинаида Гиппиус встретятся со мной?.. Я не подам руки Мережковскому... Я не только не подам ему руки, но я могу сделать и более решительный жест».

Зинаида Гиппиус, не принимая в целом творчества и мировоззрения Сергея Есенина, тем не менее, в своих статьях подробно прослеживает его жизнь, характеризует личность и творчество, начиная с его первого

появления в Петербурге в 1915 году и кончая приездом в Ленинград в 1925 г. Здесь началась и завершилась его творческая биография.

Мы не можем не считаться с тем, что подход З. Н. Гиппиус к творчеству С. Есенина был очень субъективным и во многом тенденциозным, не всегда справедливым. Однако отдельные ее суждения о Есенине верны и интересны. Нельзя не учитывать и того, что она была одним из первых критиков, заговоривших о поэте, увидевших его бесспорный талант, и она же, едва ли не первая, попыталась проникнуть в «тайну» Есенина, рассказать нам его «историю» очень искренне и с глубокой печалью. По мнению З. Гиппиус, в поэзии Сергея Есенина находит выражение патриархальный консерватизм и крайняя традиционность. Его Россия — это Русь, а Русь — деревня, поэтому вся поэзия Сергея Есенина полна воспоминаний о родной деревне, ее земле, о ее лугах и полях, лесах и реках, навсегда сохранивших для поэта свою прелесть. «Поэтичность» таланта Сергея Есенина, считает Гиппиус, состоит в юной непосредственности его ранних стихов, в их подкупающей лирической силе, в его искренней песне, то звонкой, веселой, то полной тоски и бурного отчаяния от заблуждений и совершенных ошибок, которые он безбоязненно признает и за которые считает себя обязанным ответить перед судом собственной совести. Характеризуя поэзию С. Есенина с технической стороны. З. Гиппиус отмечает шаблонно-народные формы его поэзии, отсутствие звуковой убедительности стиха, несоответствие ритма и темы, чувства меры в распределении веса слов и красок. Ее тонкому вкусу претила «безмерность» его натуры, неискусственность в духовной культуре, которые и послужили, по ее мнению, причиной гибели «этого типично русского, нетронутого культурой человека».

«У Есенина чисто русская — распутинская — безмерность: куда бы ноги ни поставил — катит его как с горы. От свободы, не знающей препон, — он обалдевает».

В период революции, да и после нее «на фоне багровой русской тучи он носился перед нами — или его носило — как маленький черный мячик. Туда-сюда, вверх-вниз... И стихи Есенина — как его жизнь: крутятся, катятся, через себя перескакивают...»

В своих поздних статьях о литературе З. Гиппиус, разбирая творчество футуристов и имажинистов, видела в нем общий упадок культурного уровня эпохи. Очень ярко характеризует она имажинистский период в творчестве С. Есенина: «В красном тумане особого, русского пьянства, он пишет, он орет, он женится на «знаменитой» иностранке, старой Дункан, буйствует в Париже, буйствует в Америке. Везде тот же туман и такое же буйство, с обязательным боем — кто под руку попадет. В Москве не лучше: бой на улицах, бой дома».

Основным в содержании поэзии Есенина с этого времени становится, по мнению Гиппиус, «ломка, ломка, ломка, пафос разрушения, который пьянит лучше вина... Имажинистов уже нет. Есенин в похмельи, еще бормочет насчет «октября», но уже без прежнего «вздыба». И «вздыб», и разбойное деревенское хулиганство уступают место сдержанности чувств, новой разговорной интонации стиха, структура синтаксиса становится прозаической.

После заграницы «кажется», он уже начал спотыкаться. Пошли слухи, что Есенин «меняется», что в его стихах — «новые ноты». Кто видел его — находил растерянным, увядшим, главное — растерянным. В стихах с родины... он вдруг говорит об ощущении своей «ненужности». Вероятно, это было ощущение более страшное, своего... уже «несуществования».

Утратив мечты об Инонии, о грядущем рае на земле, Есенин смиренно уступает свое место новым поколениям: «Цветите, юнии!...». А к настроениям «Москвы кабацкой», к «вздыбу» он возвращается лишь в поэме «Черный человек». Начинается душевный разлад, точнее, распад, который и кончается самоубийством.

«И вот — последний Петербург, нет, «Ленинград»: комната в беспорядке, перерезанные вены, кровью написанное — совсем не гениальное — стихотворение и сам Есенин на шнурке от портьеры».

В посмертной статье о С. Есенине З. Гиппиус высказывает предположение, как по-разному можно комментировать эту смерть: «Кто-то может покачать головой: вот до чего доводят богохульства. .. Можно и совсем не комментировать: просто отдаться, как М. Осоргин, лирической скорби, отговорила, мол, роща золотая, умолк «самый значительный современный поэт».

А кто-то, как это и произошло в действительности, может все свалить на большевиков. «Что большевики тут совсем ни при чем — конечно, неправда. Они, вместе с общими условиями и атмосферой, сыграли очень серьезную роль в судьбе Есенина. Мы не знаем, сложилась ли бы судьба этого типичного русского одаренного, нетронутого культурой человека — без большевиков — так же, как сложилась при них. И, однако, большевики не суть главное. Не они создали «историю» Есенина. Как потенция — она была заложена в нем самом. Большевики лишь всемерно содействовали осуществлению ЭТОЙ потенции». З. Гиппиус считает, что «человек без внутреннего содержания», «без веры и закона», уже не человек. У него происходит «разжижение костного состава, разложение, потеря лица человеческого». В грустных размышлениях о судьбе безусловно талантливого, даже с ее точки зрения, поэта обычная ирония Гиппиус постепенно уходит. На примере судьбы Есенина, потерявшего себя в вихре бурных необузданных чувств, она пытается предостеречь русскую эмиграцию «от соблазна самопотери и... от тех, кто себя уже потерял». «Из цепи сегодняшних «свободных» поэтов, деятелей русской поэзии Есенина не выкинешь: он колечко заметное». Словами глубокой человеческой печали о потерянной жизни кончает Зинаида Гиппиус «историю Есенина»: «...Есенину не нужен ни суд наш, ни превозношение его стихов. Лучше просто, молчаливо, по-человечески пожалеть его. Если же мы сумеем понять смысл его судьбы — он не напрасно умер».